

3 февраля 2000 года

ПОДМОСКОВНЫЕ
ИЗВЕСТИЯ

Журден реабилитирован. Наперекор Мольеру

Это спектакль о мечте. О высокой мечте человека стать лучше, умнее, благороднее душой. Если прежде над мольеровским мещанином Журденом, вознамерившимся оказаться во дворянстве, от души смеялись, выставляли его фигурой жалкой, комической, фарсовой, то теперь, в спектакле Московского драматического театра им. Станиславского "Мещанин-дворянин", режиссер Семен Спивак показал его мечтателем, романтиком, человеком, в котором проснулась жажда другой, более осмысленной, жизни, которая прежде проходила мимо него.

КАЗАЛОСЬ БЫ, очень заманчиво было показать Журдена этим новым русским, которому вдруг возмечталось "нахвататься культурки" и в один момент из тупого толстосума превратиться в человека, которого на равных могут принять в высшем обществе. Поддеть как бы сразу всю прослойку, увешанную золотыми цепями и разъезжающую в "Мерседесах", дать понять, что нечего им со свинным рылом в калашный ряд соваться. Да только эта задача петербургскому режиссеру, приглашенному в столицу "для обновления крови", была не интересна. В его постановке мелки, жалки и достойны осмеяния скорее учителя-халтурщики, желающие побольше урвать на желании клиента "окультуриться" (чего стоит один лишь пьяный философ в исполнении Владимира Анисько!), нежели на самом деле чему-либо его научить. Сам же господин Журден — доверчивый, простодушный, увлекающийся — становится в трактовке авторов спектакля фигурой симпатичной и трогательной.

Постановщик с самого начала задает лирическую ноту, начиная спектакль лирическими звуками арфы и флейты. Да и декорации художника Марка Китаева расписаны не яркими, броскими красками, как обычно оформляются комедийные представления, а решены в нежных серо-розовых тонах. А на главную роль выбран актер, который никак не ассоциируется у публики с комедийным жанром — Борис Невзоров, которого мы привыкли видеть на экране исключительно в ролях социальных героев. Но всегда-таки Театра им. Станиславского, где последние годы успешно работает актер, уже открыли для себя комедийную грань его дарования — хотя бы в комедии "Мужской род, единственное число", где невзоровский герой оказывается в совершенно абсурдной и эксцентрической ситуации, узна-

Фото Ольги Кузнецовой.

вая в полковнике американской авиации... свою бывшую жену, которая сделала операцию по изменению пола и теперь стала мужчиной. Обычно серьезный, даже немного угрюмый Невзоров был вполне убедителен в этом эксцентрическом водевиле — с воодушевлением пел и танцевал, что с успехом продолжил делать и в "Мещанине-дворянине".

Но если в "Мужском роде..." его герой был фигурой все же достаточно условной, то в "Мещанине" Журден (вовсе не неуклюжий толстяк, как его принято изображать, а вполне подтянутый привлекательный мужчина) понятен нам во всех своих человеческих проявлениях. А уж когда он пишет письмо маркизе, в которую все-таки влюблен, то возникает такая лирическая атмосфера, что нет в зале человека, который не почувствовал бы в неуклюжих словах Журдена "Прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви..." биение живого трепетного сердца. Он страдает, он хочет излить свою нежность на предмет своего обожания и чувствует, что это ему не суждено. А потому, поняв, что он немножко одурочен представлением его "в маммуши" и возвращается на

круги своя. Журден-Невзоров начинает — иронизируя над собой и представляя тем дурачком, которого в нем видят окружающие, — скакать, семенить ногами, показывая язык. И словно говорит этим танцем: "А мне не больно, а мне не больно". Хотя мы-то понимаем, что на самом деле — больно.

Этот неожиданный спектакль обрамлен художником в позолоченную красивую раму, как картина. Да только одна планка у той рамы ободрана и выломана, нелепо отвалилась в сторону. Это символ того, что нет гармонии даже в самой приглаженной и залакированной жизни, каждая суперкартина имеет свою холщовую, порой испачканную и продранную изнанку. Так и история мещанина во дворянстве, выставленного на посмеище Жаном-Батистом Мольером, может иметь и не сатирическую сторону, если посмотреть на нее по-другому. Но и веселья здесь тоже хватает: так, неожиданной находкой стала сцена, где Журден и его приятель Дюрант, пытаясь говорить на иностранных языках, чтобы не быть понятыми подслушивающей их госпожой Журден, переходят на украинский, а потом даже поют "Сулико" — а почему бы и нет, ведь мы же порой поем французские песенки?

Актеры купаются в стихии комедии. От души высмеивает своего подлого и самовлюбленного Дюранта наш незабвенный Ихтиандр Владимир Коренев, изящна и динамична в роли Николь его дочь Ирина Коренева, стараются быть забавными молодые артисты Андрей Гусев (Клеонт) и Владимир Сажин (Ковьен). Неожиданно смешно в интермедиях проявляют себя оперные певцы, изображая неумелых вокалистов. А костюмы художника Светланы Логофет и танцы, поставленные хореографом Сергеем Грицаем, стали подлинным украшением спектакля. Итак, невежа-мещанин, в течение двухсот лет бывший предметом насмешек, теперь реабилитирован. Авторы доброго (и немного печального) спектакля, увидев в Журдене человека искреннего и стеснительного, который искренне верит, что учиться никогда не поздно, сделали Борису Невзорову такой ролью прекрасный подарок к его 50-летию.

Петр ЧЕРНЯЕВ.